0 19/534

323/9
0 19/534

НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО

Н. И. ИЛЬМИНСКАГО

О

СПОСОБАХЪ ОБУЧЕНІЯ ИНОРОДЦЕВЪ.

Российской государственной библиотеки по народному просвещению

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1900.

1812

2007097092

9
О 19/534
В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
323:371
ф.32-499
№ 1747

Неизданное письмо Н. И. Ильминскаго о способахъ обученія инородцевъ.

Вдова покойнаго Н. И. Ильминскаго Е. С. Ильминская передала окружному наблюдателю церковныхъ школъ И. А. Износкову изъ числа хранящихся у нея бумагъ покойнаго письмо послѣдняго къ редактору, какъ послѣ оказалось, «Современныхъ Извѣстій» по поводу передовой статьи въ № 121 этой газеты за 1868 г. — о системѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ.

Письмо Н. И. Ильминскаго, впервые печатаемое, важно тѣмъ, что въ немъ ясно и сжато изложены самимъ создателемъ системы инородческаго просвѣщенія основныя черты этой послѣдней, что особенно цѣнно для настоящаго времени, когда возникаютъ разногласія по поводу названной системы. Эти основныя черты инородческаго обученія, какъ явствуетъ изъ послѣднихъ строкъ письма, слѣдующія: 1) языкъ родной и притомъ самый правильный, народный; 2) учитель единоплеменный съ учениками,—инородецъ, разумѣется, съ подходящими къ этой обязанности природными качествами.

Передовая статья Н. П. Гилярова-[illegible]атонова, здѣсь перепечатываемая, [illegible]на тѣмъ, что въ ней этотъ публи[illegible]тъ-философъ, прозрѣвавшій своею [illegible]лію, по выраженію И. С. Аксакова, [illegible]столѣтія впередъ *), придаетъ осо[illegible]ное значеніе извѣстію о впечатлѣ[illegible] какое произведено было на за[illegible]жскихъ инородцевъ церковнымъ пѣніемъ на ихъ родномъ языкѣ. При этомъ онъ нисколько не опасается обособленія народностей на почвѣ примѣненія ихъ языка къ богослуженію и школьному обученію.

Напротивъ, насколько важнымъ представляется мыслящимъ людямъ способъ обученія инородцевъ при посредствѣ ихъ языковъ, видно изъ того, что Н. П. Гиляровъ-Платоновъ первому извѣстію о просвѣтительной системѣ Н. И. Ильминскаго (далеко еще тогда не развившейся) посвятилъ передовую статью, что представляется въ его газетѣ немаловажнымъ событіемъ въ виду его взгляда на назначеніе передовыхъ статей. «Мы не признаемъ—писалъ онъ («Соврем. Изв». 1868, № 3)—передовыхъ статей вообще, не признаемъ ни самаго этого названія, ни того дѣла, къ которому оно относится... Мы обѣщали въ программѣ своего изданія руководящія статьи *по важнѣйшимъ* вопросамъ... Мы не давали вовсе руководящихъ статей, когда не видѣли ни событія, ни извѣстія, ни вопроса»...

Споры и разногласія за послѣднее время по поводу просвѣтительной системы Н. И. Ильминскаго въ большинствѣ случаевъ происходятъ, какъ обыкновенно оказывается, или вслѣдствіе отдаленности отъ жизненныхъ фактовъ, или отъ незнанія ихъ. Возражающіе противъ этой системы и ея разнородныхъ примѣненій видимо находятся въ такомъ же состояніи, въ какомъ первоначально былъ и Н. И. Ильминскій, когда онъ, какъ пишетъ въ своемъ письмѣ, благоговѣлъ передъ силой философовъ-поэтовъ, вознося-

*) См. Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Сочиненія. Изд. К. П. Побѣдоносцева. М. 1899. Томъ I. Введеніе.

№ 4395

щихся въ поднебесныя умозрѣнія и строящихъ обширныя теоріи (вдали отъ фактовъ). Но эту его вѣру разрушила дѣйствительность, и чтобы дойти до истины, сталъ онъ еще болѣе и исключительнѣе, какъ пишетъ самъ, держаться дѣйствительности. Опытъ человѣчества не разъ уже доказывалъ, какъ нерѣдко бываетъ опасно держаться исключительно умозрительныхъ теорій, опытъ нашего великаго педагога показываетъ то же самое. Приводимъ полностію какъ передовую статью Н. П. Гилярова, такъ и сообщеніе Н. И. Ильминскаго, вызвавшее эту статью.

С. Рыбаковъ.

I.

Передовая статья Н. П. Гилярова-Платонова.

«Современныя Извѣстія» № 121, воскресенье 5 мая 1868 г.

Внутреннія извѣстія.

Москва, 5 мая. Дорожащіе успѣхами христіанства и успѣхами русскаго просвѣщенія съ удовольствіемъ прочитаютъ помѣщенное ниже извѣстіе о впечатлѣніи, какое произведено было на заволжскихъ инородцевъ церковнымъ пѣніемъ на ихъ родномъ языкѣ. Извѣстіе это получаетъ особенное значеніе послѣ тѣхъ многочисленныхъ отпаденій въ магометанство, которымъ былъ свидѣтелемъ Казанскій край такъ недавно! Триста лѣтъ господствующаго христіанства въ краѣ, и магометанство не только не побѣждено окончательно, но еще дѣлаетъ завоеванія.

Отъ какихъ причинъ произошло это уродливое явленіе, здѣсь не мѣсто распространяться, да мы ихъ и не достаточно знаемъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что главная причина не въ духовной силѣ магометанства, а въ неумѣньѣ служителей христіанства провести и поддержать христіанскую истину въ инородческой средѣ. Извѣстіе, сообщаемое г. Ильминскимъ, служитъ тому лучшимъ доказательствомъ.

Дайте инородцу вполнѣ овладѣть христіанствомъ, и оно имъ вполнѣ овладѣетъ. Проповѣдь на народномъ инородцу языкѣ есть лучшее къ тому средство. Но не должно забывать, что для племенъ, стоящихъ на первой ступени развитія, многія понятія христіанства въ томъ видѣ, какъ выяснились они въ послѣдовательной исторіи догматовъ, по самому существу недоступны и не могутъ себѣ найти даже соотвѣтствующихъ выраженій въ языкѣ, еще не причастившемся исторической жизни. Богослуженіе съ его обрядомъ, говорящимъ глазу, и съ его пѣніемъ, говорящимъ слуху, должно прійти на подмогу языку и дополнить то, что имъ не досказано. Недоразумѣваемый смыслъ въ полупонятномъ, хотя и родномъ словѣ, явственнѣе воплощается если не разумѣнію, то чувству и представленію черезъ присоединительный обрядовый образъ и чрезъ дополнительную пѣсенную мелодію.

Мы сказали, что впечатлѣнію, которое произведено на инородцевъ церковнымъ пѣніемъ на ихъ родномъ языкѣ, долженъ обрадоваться не только тотъ, кто дорожитъ успѣхами христіанства, но и кто дорожитъ успѣхами русскаго просвѣщенія вообще. По-видимому наоборотъ, а въ дѣйствительности такъ. Обработка языка, созиданіе особенной литературы ведетъ къ умственному а иногда и политическому отдѣленію отъ господствующаго народа только племена, мало мальски вкусившія развитія, мало мальски пожившія историческою жизнью, и притомъ сознавшія свою отдѣльность, кромѣ языка, и по другимъ стихіямъ народности. Но для племенъ первобытныхъ, которымъ притомъ го-

Н. И. Ильминскій (по фотографіи 1880 годовъ).

сподствующій народъ дастъ всѣ стихіи просвѣщенія безъ изъятія, возвышеніе ихъ роднаго языка къ принятію просвѣщенныхъ понятій есть только дверь къ окончательному сліянію съ господствующимъ племенемъ. Стефанъ Пермскій просвѣщалъ зырянъ на ихъ собственномъ нарѣчіи. Но что же осталось отъ зырянъ и отъ всей великой Перми? Точно также и чуваши и прочая финская мелочь, и всѣ наши инородцы, имже нѣсть числа, просвѣщеніемъ чрезъ собственныя нарѣчія только скорѣе въ одно сплошное цѣлое сольются и съ народомъ русскимъ, и съ языкомъ русскимъ.

II.

Въ томъ же № «Современныхъ Извѣстій» непосредственно слѣдуетъ упоминаемая въ передовой статьѣ статья Н. И. Ильминскаго:

Сочувствіе инородцевъ къ православно-церковному пѣнію на ихъ родномъ языкѣ.

Когда, назадъ тому лѣтъ девять, якуты въ первый разъ услышали въ церкви богослуженіе на якутскомъ языкѣ, они пришли въ такое умиленіе и восторгъ, что просили своего знаменитаго архипастыря установить въ тотъ день праздникъ для всегдашняго ежегоднаго воспоминанія объ этомъ событіи. У насъ въ приволжскомъ краѣ еще не введено въ церкви полнаго богослуженія на инородческихъ языкахъ; только недавно начали пѣть по татарски, по чувашски и на другихъ инородческихъ языкахъ нѣкоторыя молитвы и ирмосы; но уже положительно обнаружилось живое сочувствіе инородцевъ къ такому пѣнію. При новости такого дѣла въ нашей мѣстности, считаю не лишнимъ изъ многихъ случаевъ привести для общаго свѣдѣнія одинъ.

Въ 20 числахъ апрѣля текущаго года *), въ Казанской школѣ для дѣтей крещеныхъ татаръ получены были письма отъ нѣсколькихъ воспитанниковъ ея, которые теперь сами обучаютъ въ разныхъ инородческихъ селеніяхъ крещено-татарскихъ дѣтей. Въ своихъ письмахъ они описываютъ, какъ провели Пасху, и между прочимъ упоминаютъ о пѣніи на татарскомъ языкѣ пасхальныхъ ирмосовъ и о произведеномъ на мѣстныхъ жителей впечатлѣніи.

Въ деревнѣ Верхней Сердѣ, Лаишевскаго уѣзда, обучаютъ два мальчика—Димитрій и Павелъ. Вотъ что, между прочимъ, сообщаютъ они руководителямъ Казанской школы: «Добрые отцы наши, посылаемъ вамъ большой поклонъ; всѣ въ нашей деревнѣ старики, и молодые, и старухи очень благодарятъ васъ за то особенно, что прежде каждый годъ обыкновенно приносили къ намъ на Пасху иконы—русскіе, а нынѣче мы сами принесли. Мы съ молодыми одподеревенцами собрались и пошли въ село; съ позволенія священника взяли иконы и понесли въ свою деревню. Въ деревнѣ иконы были приняты въ каждомъ домѣ; мы съ учениками повсюду ихъ сопровождали и вездѣ пѣли по татарски; заходили и въ нашу школу. Въ одинъ день не могли обойти всю деревню, покончили уже на другой день къ вечеру. Нашимъ крещенымъ татарамъ пѣніе пасхальныхъ ирмосовъ очень понравилось; они съ удовольствіемъ слушали его и ходили за иконами. Причетники удивлялись такому усердію крещеныхъ татаръ, такъ какъ прежде они были равнодушны; а крещеные на это отвѣчали: прежде мы ничего не понимали, а теперь мало-мало въ ухо входитъ. Когда обошли всю деревню съ ико-

*) 1868 г.

нами, священника съ причтомъ пригласили въ одинъ домъ чай пить. Между тѣмъ, народу много собралось провожать иконы. Въ это время мы взяли иконы, принесли ихъ къ своей школѣ, и тутъ пропѣли всѣ пасхальные ирмосы. Наконецъ, когда мы проводили въ село иконы, старики намъ сказали спасибо и велѣли написать вамъ отъ всѣхъ ихъ большой поклонъ».

Въ селѣ Чурѣ, Мамадышскаго уѣзда, съ самаго начала нынѣшняго года живетъ воспитанникъ Казанской школы и обучаетъ крещено-татарскихъ дѣтей въ Чуринскомъ училищѣ. Онъ пишетъ: «Въ первый разъ пѣли мы по татарски въ церкви на Благовѣщеніе — *Днесь спасенія нашего главизна;* а потомъ пѣли на Пасху все, что только поется въ этотъ великій день, также по татарски. Народъ слушалъ съ изумленіемъ. Потомъ батюшка, взявши крестъ и иконы, ходилъ съ нами по селу, и мы въ каждомъ домѣ пѣли по-татарски; крещенымъ это понравилось. Потомъ батюшка бралъ насъ съ собой и въ приходскія деревни; тамъ мы пѣли по-татарски. Нѣкоторые за нами ходили и плакали, а батюшку благодарили, что онъ взялъ насъ».

Послѣднее сообщеніе, такъ сжато изложенное, значительно разъясняется въ слѣдующемъ письмѣ Чуринскаго священника, почтеннаго о. В. А. Кр. «Теперь я намѣренъ (пишетъ ко мнѣ о. Василій отъ 21 апрѣля) кратко описать тотъ успѣхъ нашего Степана (т. е. вышеупомянутаго мальчика), который онъ оказалъ 16 марта. До того времени онъ еще не думалъ разучивать съ мальчиками пасхальный канонъ. Но по полученіи вашего письма, 16-го марта принялся, и въ четвергъ Страстной седмицы они знали всѣ ирмосы, кромѣ 7 и 8; но по моей усиленной просьбѣ къ субботѣ было и это готово. Въ субботу я, выслушавъ ихъ напѣвъ, попытался, сперва съ Степаномъ, а потомъ и вмѣстѣ съ мальчиками пропѣть обыкновеннымъ церковнымъ напѣвомъ, и дѣло исполнилъ нашъ Степанъ прекрасно. А потому я принялъ смѣлость въ утреню Пасхи, какъ при встрѣчѣ Христа, такъ равно и въ канонъ, пѣть *Христосъ воскресе* и ирмосы попеременно на правомъ клиросѣ первый разъ по-русски, на лѣвомъ—другой по-татарски, и дѣло вышло для крещеныхъ много полезное. Имъ пріятно было видѣть, что ихъ дѣти уже принялись пѣть; а главное, не безъ отчетливости и гармоніи въ голосахъ на первый разъ. А съ другой стороны, для нихъ самихъ сдѣлались хоть нѣсколько понятнѣе самыя мысли ирмосовъ, тогда какъ прежде они слышали пѣніе ихъ, нисколько не понимая словъ и мыслей. Но теперь еще дѣло не вполнѣ оправдалось, потому что напереди стояли русскіе, а въ трапезу, гдѣ стояли крещеные татары, слова не могли долетать такъ, какъ слѣдуетъ, хотя пѣніе и было исполнено прекрасно. Когда же, въ тотъ же день, мальчики пошли со мною съ иконами по селу, то много, много замѣтно было радостнаго со стороны прихожанъ, въ сравненіи съ тѣмъ, когда ирмосы и *Христосъ воскресе* прежде пѣлись на русскомъ языкѣ, для нихъ совершенно непонятномъ. Увидѣвъ это, я бралъ сихъ мальчиковъ во всѣ дни моего хода по крещено-татарскимъ деревнямъ, и нашелъ это дѣло не только полезнымъ, но даже нужнымъ въ такой степени, что остается желать, чтобы скорѣе начала у насъ служба церковная отправляться на татарскомъ языкѣ. При пѣніи сихъ мальчиковъ въ двухъ крещеныхъ деревняхъ — въ Кушкетбашѣ, одного мущину лѣтъ 33, а въ Понурѣ двухъ женщинъ—одну лѣтъ 50, а другую лѣтъ 30, я видѣлъ слезно плачущими, и когда я спросилъ ихъ,

что они плачутъ, они отвѣчали: какъ же не заплачешь, когда такъ хорошо поютъ и такъ понятно намъ! И такъ доброе сѣмя полезно, надобно просить Бога, да возраститъ Онъ его въ сердцахъ невѣдающихъ. Не лишнимъ считаю сказать и о той утѣшительности для меня: когда помянутый кушкетбашскій мущина, по пропѣтіи капона въ его домѣ, сталъ мнѣ отдавать для размѣна пятирублевую монету, и когда, по неимѣнію у него для обычнаго христосованья яицъ, я сказалъ ему: нельзя ли, вмѣсто яйца, дать симъ мальчикамъ одну или полторы копейки? то онъ, не переставая плакать текущими слезами, сказалъ: «Ни мало не жалко сей малости, а еще, за неимѣніемъ у меня сына, отдамъ *) имъ свою дочь для обученья». Значитъ, вотъ сила благодати Божіей въ чемъ! А притомъ, при мальчикахъ и самое хожденіе съ иконами было тихо, кротко и во всякомъ случаѣ болѣе чинно, нежели при причтѣ, не всегда вполнѣ исправномъ. Молю Бога объ одномъ, чтобы Степанъ былъ живъ и здоровъ, и послужилъ бы въ нашей Чурѣ для обученія, и тогда можно надѣяться, что посѣваемыя мною сѣмена съ самаго поступленія сюда возрастутъ скоро, и, думаю, болѣе прочно».

Надобно себѣ представить положеніе крещеныхъ татаръ, которые прежде, слушая богослуженіе на непонятномъ для нихъ церковно-славянскомъ языкѣ, стояли въ церкви безсмысленно, холодно и даже уныло; церковь не привлекала ихъ къ себѣ, и развѣ только по наряду сельскихъ властей они туда являлись; а въ годовые праздники иконы приносимы были въ ихъ селенія и жилища русскими, а они съ тупою покорностью принимали ихъ въ свои дома, какъ бы отбывая положенную обычаемъ повинность. Разумѣется, такое положеніе для самихъ инородцевъ должно быть очень тягостнымъ, особенно для одаренныхъ болѣе живымъ религіознымъ чувствомъ. И вотъ какъ они встрепенулись, заинтересовались и пролили текучія слезы, когда православныя пѣснопѣнія, посредствомъ родного языка, стали *входить въ ихъ уши*. Безъ сомнѣнія, содержаніе православныхъ молитвъ и пѣснопѣній само по себѣ имѣетъ силу дѣйствовать на сердце, когда онѣ облечены въ прозрачную форму родного языка; но эта сила и глубина впечатлѣнія заставляетъ, кромѣ того, предполагать въ человѣческой душѣ нѣкія духовныя фибры, которыя могутъ созвучно отзываться только на звуки и обороты родного языка.

Ильминскій.

30 апрѣля (1868 г.), Казань.

*) Напечатано: «отдалъ»,—вѣроятно, опечатка, судя по смыслу текста.

III.

Письмо Н. И. Ильминскаго.

Г. Редакторъ.

Моему извѣстію, помѣщенному въ № 121 («Современныхъ Извѣстій») въ своей передовой статьѣ издаваемой вами газеты вы изъявили такое сочувствіе и придали такое значеніе, на которое, по своей скромности, я не разсчитывалъ. Послѣ этого я уже съ нѣкоторою смѣлостію рѣшаюсь вамъ представить мою личность и открыть мои мысли и задушевныя чувства. Я—эмпирикъ или, лучше сказать, конкретистъ; я воспринимаю дѣйствительность явленій или фактовъ, которые могу видѣть и осязать. Эти явленія приращаясь къ моей мыслящей силѣ, сами собою образуютъ въ моей головѣ извѣстныя убѣжденія, извѣстный взглядъ, твердый и положительный, хоть иногда

я и не могу его теоретически формулировать, а тѣмъ менѣе изобразить въ видѣ и въ родѣ философскаго построенія. Это, конечно, мое личное, индивидуальное свойство; у другихъ людей могутъ быть другія свойства и другіе способы доходить до познанія истины. Я, впрочемъ, долго вѣровалъ въ неистощимое разнообразіе природы, которая однимъ даетъ такія способности, а другимъ—иныя. Я искренно благоговѣлъ предъ могучей силой философовъ-поэтовъ, т. е. такихъ, которые смѣло и увѣренно возносятся въ поднебесныя умозрѣнія и строятъ обширныя теоріи. Но и эту мою вѣру разрушила безжалостная дѣйствительность, и сталъ я еще болѣе и исключительнѣе держаться фактовъ. Я вамъ разскажу, какъ все это дѣло шло по отношенію къ инородческому образованію, которому теперь исключительно посвящены мои заботы. Изучалъ я татарскій языкъ путемъ эмпирическимъ, чрезъ непосредственное знакомство съ татарами разныхъ мѣстностей, сначала, впрочемъ, большею частію магометанами, у которыхъ есть своего рода наука, образованіе и книжный, по нашему литературный языкъ, и я къ нему возымѣлъ влеченіе. Но при этомъ случалось мнѣ заходить въ захолустья, гдѣ живутъ крещеные татары;—это было еще въ 40-хъ годахъ, тамъ не было ни грамотности, ни образованія, ни литературнаго языка,—единовѣрцы въ нѣкоторомъ отношеніи,—волосы длинные и тюбетеекъ не носятъ;—но какъ паріи, стоятъ особнякомъ,—отъ своихъ отстали, а къ русскимъ не пристали, и какъ-то имъ не весело. Крещонинъ (такъ они называются у русскихъ сосѣдей)—послѣднее дѣло, никакой вѣры не держитъ. А между тѣмъ я видѣлъ,—народъ простой, добрый, забитый, языкомъ, на который я обращалъ большое вниманіе, говорятъ не книжнымъ, но правильнымъ и даже болѣе чистымъ, тѣмъ образованные магометане...

1876.

Потомъ судьба занесла меня въ кочевья киргизовъ, народа кочевого, слѣдовательно по нашему—полудикаго, стоящаго на самой низкой степени гражданственности. Грамотный киргизъ—рѣдкость, но за всѣмъ тѣмъ я съ изумленіемъ замѣчалъ въ нихъ хорошихъ говоруновъ и даже импровизаторовъ. Это уже рѣшительно расположило меня въ пользу народнаго языка. Послѣ чего я способенъ сталъ *по достоинству* оцѣнить и языкъ безграмотныхъ крещеныхъ татаръ. Надо еще добавить, что самыя государственныя и общественныя нововведенія, которыя вообще возвысили положеніе сельскаго простонародья, и современное новое направленіе русской лингвистики, обратившейся уважительно къ народному языку, имѣли вліяніе на измѣненіе моего татарско-лингвистическаго взгляда въ пользу народнаго татарскаго языка до такой степени, что я ему отдалъ рѣшительное предпочтеніе предъ татарскимъ книжнымъ языкомъ. Наконецъ, случай свелъ меня съ однимъ старо-крещенымъ татариномъ, который получилъ въ сельскомъ училищѣ маленькое русское образованіе, возымѣлъ усердіе къ православной вѣрѣ и желаніе болѣе и болѣе узнать ея содержаніе. Этотъ человѣкъ сталъ обучать мальчиковъ своихъ земляковъ, сначала двоихъ—троихъ; потомъ съ каждымъ годомъ число его учениковъ сильно возрастало: это наша Казанская школа крещено-татарскихъ дѣтей. Онъ естественно толкуетъ имъ по-татарски и, такъ какъ совершенно незнакомъ *) съ татарскимъ книжнымъ языкомъ, то именно на простомъ народномъ татарскомъ языкѣ. Въ то же время съ его помощію я сталъ

*) Слово «незнакомъ» поставлено въ подлинникѣ почему-то въ скобкахъ.

переводить православныя книжицы на тотъ же народный татарскій языкъ;— эти книги изучаются въ школѣ, молитвы поются учениками,—черезъ это поддерживается одушевленіе къ грамотѣ. Родители ихъ, слыша на своемъ языкѣ православное чтеніе дѣтей, сами располагаются къ этому ученію, отдаляясь тѣмъ отъ магометанства. Надо вамъ еще сказать, что какъ въ нашихъ крещено-татарскихъ изданіяхъ, такъ и въ школѣ татарской исключительно употребляется алфавитъ русскій,—что также облегчаетъ и самое изученіе грамоты, и удобный заразъ переходъ къ русской грамотѣ и къ чтенію русскихъ книгъ и т. д. и т. д. И вотъ я уже 4 года постоянно смотрю, какъ идетъ и развивается это дѣло, вижу, что оно развивается быстро и прочно: распространеніе грамотности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и знаніе или, по крайней мѣрѣ, сознательное усердіе къ православію между крещеными татарами растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Соображалъ я и то, что при этомъ никакихъ особыхъ усилій или строгихъ педагогическихъ пріемовъ нѣтъ, а дѣло всетаки ведется успѣшно.

Имѣлъ я въ виду при этомъ и другіе случаи, гдѣ инородцевъ учили прямо по-русски, и дѣло шло туго и малоуспѣшно.

И вотъ такимъ эмпирическимъ путемъ опыта я былъ приведенъ къ своему настоящему взгляду на способъ инородческаго обученія, въ которомъ два главныхъ пункта: 1) языкъ родной и притомъ самый правильный, народный; 2) учитель единоплеменный съ учениками,—инородецъ, разумѣется, съ подходящими къ этой обязанности природными качествами.

Ильминскій.

Изъ журнала «Церковныя Вѣдомости», издаваемаго при Святѣйшемъ Синодѣ № 2, 1900 года.

С.-Петербургъ. Синодальная типографія.

2007097092